

значенный ею как один из новооткрытых Н. приемов «растворенный эпитаф» (касающийся образа героини) в виде как бы пущенной «стрелы ассоциаций», «которая мчит нас до цели — самого Эдгара По и его ребенка-жены» (имеется в виду стих. Э. По «Аннабель Ли», посвященное его юной жене, которой стала дочь его любовницы) (Набоков и его «Лолита» // Неизвестная Берберова. СПб., 1998. С. 171, 172). К. Бланк находит в «Лолите» черты диалога с незавершенной драмой Пушкина «Русалка»: «Знакомство Гумберта с Лолитой начинается там, где остановилась пушкинская драма. Описание первой встречи Гумберта и Лолиты полно „водяных знаков“». Гумберт, продолжает автор, «в некотором роде является контаминацией двух героев пушкинской драмы — Князя и Мельника. Он псевдоотец Лолиты, но одновременно он же герой-любвик романа <...> Подобно пушкинскому Мельнику, он теряет рассудок из-за пропавшей дочери, подобно пушкинскому Князю, несет ответственность за судьбу женщины и девочки» (О «Лолите» Набокова // Набоковский вестник. СПб., 1998. Вып. 1. С. 107).

Существенный и многозначный диалог «Лолиты» с классикой обнаруживается в сопоставлении Н. с Достоевским, чему посвящено исследование Л. Целковой «Роман Владимира Набокова „Лолита“ и „Исповедь Ставрогина“ Достоевского». В определении самого кредо набоковского романа исследовательница ставит определенный знак равенства между обоими писателями: «...нарушение нравственности невозможно даже во имя ценнейшего для художника — во имя „чувства красоты“». В этом главная традиция духовного наследия русского классического романа — в невозможности нарушить закон нравственный» (Набоковский вестник. Вып. 1. С. 134).

Вслед за «Лолитой» следуют романы «Бледный огонь» (1962), «Ада» (1969), «Просвечивающие предметы» (1972), «Взгляни на арлекинов!» (1974), в которых все более усложняются элементы игры, взаимоотражения предметов, героев и разновременных событий из жизни.

В 1960 Н. снова переселяется в Европу, облюбовав для постоянного проживания курортное место Монтрё в Швейцарии на берегу Женевского оз., некогда еще в годы Кембриджа поразившее его своим «совершенно русским запахом здешней еловой глуши». Здесь в гостинице «Монтрё Палас» он проживает до конца своей жизни. Значительно уже приблизившись к России географически, он и теперь на вопрос корреспондента

Би-би-си, намерен ли он вернуться на родину, ответил принципиально-жестко: «Я никогда не вернусь, по той причине, что вся та Россия, которая нужна мне, всегда со мной: литература, язык и мое собственное русское детство. Я никогда не вернусь. Я никогда не сдамся. К тому же уродливая тень полицейского государства и не развеется еще при моей жизни. Не думаю, чтоб там знали мои произведения...» (Носик В.— С. 497). С этим убеждением Н. ушел из жизни.

«Что-то новое, блистательное и страшное вошло с ним в русскую литературу и в ней останется» (Шаховская З.— С. 44).

Соч.: СС: в 4 т. М., 1990. Т. 5: Лолита. Доп. М., 1992; Т. 6: Ада. Доп. Кишинев, 1995; СС американского периода: в 5 т. СПб., 1997–99; Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998; Лекции по русской литературе. М., 1998; СС русского периода: в 5 т. СПб., 1999; Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М., 2002.

Лит.: Адамович Г. Владимир Набоков // Адамович Г. Единичество и свобода. СПб., 1993; Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991; Ерофеев В. Русская проза Набокова // Набоков В. СС. М., 1990. Т. 1; Броуде И. От Ходасевича до Набокова; Ностальгическая тема в поэзии первой русской эмиграции. Терафлу: Эрмитаж, 1990; Федоров В. О жизни и лит. судьбе Владимира Набокова // Набоков В. Стихотворения и поэмы. М., 1991; Анастасьев Н. Феномен Набокова. М., 1992; Толстой И. Предвоенный Набоков и его драматургия // Толстой И. Курсив эпохи. СПб., 1993; Носик Б. Мир и дар Набокова. М., 1995; Мулярчик А. Русская проза Владимира Набокова. М., 1997; Дмитриенко О. Восхождение к Набокову. СПб., 1998; Набоковский вестник. СПб., 1998–2001. Вып. 1–6; В. Набоков: Pro et contra: Личность и творчество В. Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология: в 2 т. СПб., 1999; А. С. Пушкин и В. В. Набоков. СПб., 1999; Концептуализированная сфера «творчество» в художественной системе В. В. Набокова. Краснодар, 2000; Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. СПб., 2001; Набоковский сб. Калининград, 2001; Поэтика Набокова // Новое лит. обозрение. 2002. № 1; Анастасьев Н. Владимир Набоков: Одинокий король. М., 2002; Мельников Н. «Творимая легенда» Владимира Набокова // Русская словесность. 2003. № 1.

А. И. Михайлов

НАГИБИН Юрий Маркович [3.4.1920, Москва — 17.6.1994, Москва] — прозаик, кинодраматург.

Родился в семье служащего. В начале 1930-х родители расстались (в конце жизни Н. узнал, что его настоящим отцом был К. А. Калитин, убитый в год рождения сына: см. повесть «Тьма в конце туннеля»).

Мать вышла замуж за Я. С. Рыкачева, писателя, произведения которого в свое время были замечены А. М. Горьким. Я. С. Рыкачев умер в ссылке в 1952 в г. Кохме.

На духовное формирование будущего писателя значительное воздействие оказала мать, привив «умение ощутить драгоценность каждой минуты, любовь к людям, природе и животным». Отчим приобщил к хорошей литературе — русской классике, Дюма, Жюльо Верну.

В детские годы Н. увлекался спортом, особенно футболом, и тогдашний тренер «Локомотива» предсказывал своему питомцу большое будущее. Однако верх взяло увлечение литературой, о чем впоследствии Н. написал в рассказе **«Почему я не стал футболистом»**. Одной из первых проб пера стала юношеская повесть **«Я»** — попытка разобраться в себе, своих увлечениях. В 1940 был опубликован первый рассказ Н. **«Двойная ошибка»** (ж. «Огонек»).

Учился Н. сначала в Первом московском медицинском ин-те, перейдя затем на сценарное отделение ВГИКа (Ин-т киноискусств). В годы Великой Отечественной войны служил на Волховском фронте, был дважды контужен. В 1943 вышел первый сб. **«Человек с фронта»**. Работал корреспондентом газ. «Труд», рассказывая об освобождении родины от захватчиков. В конце войны и послевоенные годы вышли сб. рассказов и очерков **«Большое сердце»**, **«Две силы»**, **«Зерно жизни»**.

После победы Н. много ездил по стране, писал о тружениках села, о деревенских женщинах, «пахавших на коровах, а то и на себе». На Куршине он познакомился с председателем колхоза «Луч» Т. П. Дьяченко, ставшей впоследствии прототипом главной героини повести **«Бабье царство»**, сценария одноименного фильма, пьесы **«Суджанские мадонны»**. По мотивам произведения композитор К. Молчанов написал оперу «Русские женщины».

В послевоенные годы жизнь одарила Н. знакомством с А. П. Платоновым, оказавшим на него сильное влияние. Н. в числе первых выступил популяризатором платоновского творчества.

Самоопределение Н. как писателя, мастера рассказа, произошло в 1950–60-е, когда были созданы такие рассказы, как **«Трубка»** (позже стал основой повести **«Трудное счастье»**), **«Зимний дуб»**, **«Комаров»**, **«Зимнее эхо»**. В них с большим мастерством, поэтической силой раскрыт мир детства с его радостями, тревогами, нешуточными

Ю. М. Нагибин

проблемами. Известность у читателя приобрели автобиографические циклы **«Чистые пруды»**, **«Книга детства»**. Произведения о предвоенном московском отрочестве, трогательной юношеской дружбе, первых влюбленностях пронизаны грустной мелодией — повествование в них ведется о сверстниках, многие из которых не вернулись с поля боя.

С конца 1950-х Н. много работал в кино, написав или приняв участие в создании сценариев таких известных фильмов, как **«Председатель»**, **«Страницы жизни Трубникова»**, **«Бабье царство»**, **«Спасите наши души»** (**«Красная палатка»**), **«Чайковский»**, **«Дерсу Узала»**, **«Ночной гость»**, **«Девочка и эхо»** и др.

В ходе работы над сценарием фильма о Чайковском возник замысел двух повестей о дружбе композитора и меценатки Н. фон Мекк: **«Как был куплен лес»** и **«Когда погас фейерверк»**. Эти произведения вошли в цикл историко-биографической прозы Н., посвященной преимущественно деятелям русской культуры и литературы — протопопу Аввакуму, Тредиаковскому, Пушкину, Лермонтову, Тютчеву, Аполлону Григорьеву, Иннокентию Анненскому, Бунину, Рахманинову, которые составили книгу **«Царско-косельское утро»** (1983). Несмотря на очевидную худож. неравнозначность произведений, составивших сб., он свидетельствовал о хорошей культурной оснастке автора, создавшего обширную беллетристическую галерею, вызванную стремлением, по словам

Н., воздать должное тем, кому не было додано при жизни.

Писателю была присуща чуткая творческая интуиция, позволявшая предугадать будущую популярность находившихся в долгом забвении имен — Платонова, Лескова (очерк, рассказ «**День крутого человека**»). Н. приобщил читателя к тайне обаяния великого певца С. Я. Лемешева, посвятив ему очерк и проникновенный рассказ «**Меломаны**».

Н. был не только профессионалом-расказчиком, но и лит. наставником, поддержавшим своим авторитетом и напутствиями мн. дебютантов — от В. Шукшина до В. Беломлинской. Своим творческим опытом писатель делился также в статьях, интервью, рецензиях, которые составили книгу «**Не чужое ремесло**» (1983). Среди публикаций в этой книге следует особо выделить «**Признания**», «**Достоинство жанра**», «**Открытое письмо Борису Кравченко**», «**Чехов редактирует**».

Ряд произведений Н. вызвал особый читательский интерес и дискуссии в печати: написанная в 1960-е и увидевшая свет два десятилетия спустя повесть о встречах с ссыльным отцом «**Встань и иди**», мелодраматическая повесть «**Терпение**». Вместе с тем у читателя подчас возникало ощущение недовольности творческого дара Н. С годами это же чувство все острее испытывал и сам автор. Еще в 1942 он записал в «**Дневнике**»: «Нигде и никогда литература для себя не сольется с литературой для печати. Надо четко разграничить ящики стола, налево для себя, направо для всех. Это нужно для душевной гигиены, иначе путаница, из которой никогда не выберешься». Нередко это сделать удавалось, однако часто бывало и так, что граница между «ящиками» исчезала, и тогда происходило вторжение конъюнктуры в прозу, в сценарии, работа над которыми все больше тяготила автора: «Мне надо всерьез обновить отравленный кинохалтурой организм»; «Сценарии меня расхлябали»; «Халтура заменила для меня водку» (записи, сделанные в разные годы в «Дневнике»).

Писатель одним из первых дал ответ на рыночную ситуацию, опубликовав книгу «**Любовь вождей**» (1991) — собр. повестей и рассказов, среди действующих лиц которых Сталин, Гитлер, Берия, Брежнев. Сюда же вошла грубо-фельетонная, написанная в неправом раздражении «**Повесть о том, как не поссорились Иван Сергеевич с Иваном Афанасьевичем**». И только в самом конце жизни Н. попытался выйти на

исповедь, о чем свидетельствуют посмертно опубликованные произведения Н. «Тьма в конце туннеля», «**Моя золотая теща**» (1994), «**Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя**» (Октябрь. 1994. № 9–10), «Дневник» (1995). Последние повести, как и дневниковая проза, сближены по содержанию с действительностью, передают текучесть, прихотливую смену настроений, оценок, суждений. Общим достоянием стало интимное, то, что годами таилось в душе, нарывало, болело. Предчувствуя близкий конец, Н. подготавливает к печати прозу, где смешались свет и тьма, тонкие поэтические зарисовки и предельно интимные признания. В ней — откровенность, подчас доходящая до бесстыжести, пряный эротизм (особенно в повести «Моя золотая теща» — дань времени, когда все позволено), пренебрежение общественным мнением, почти детская беззащитная искренность, а рядом — беспощадные инвективы, проникновенные пейзажные зарисовки, напоминающие стих. в прозе.

При всей событийной насыщенности, калейдоскопе портретных зарисовок (подчас тенденциозных и шаржированных), откликах на поездки по миру, зарубежные встречи «Дневник» Н. прежде всего является автопортретом, развернутым во времени...

Со страниц прощального произведения Н. предстает образ одинокого и в жизни, и в лит-ре человека. Сильный, энергичный, он чуть ли не с 30-летнего возраста все чаще обращался к мыслям о близком конце, испытывая чувство «призрачности существования»: «Из любого соприкосновения с жизнью я выношу простое и глубокое презрение к себе, ибо всякий раз убеждаюсь, что я не настоящий». Как писал прозаик и издатель «Дневника» Ю. Кувалдин, «Дневник» Юрия Нагибина — «это лучшая, главная его книга».

Соч.: Соч. Т. 1–11. М., 1989–94; Тьма в конце туннеля. Моя золотая теща. М., 1994; Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя // Октябрь. 1994. № 9–10; Дневник. М., 1995, 1996 (доп. изд.).

Лит.: Богатко И. Юрий Нагибин. М., 1980; Холопова В. Парадокс любви: Новеллистика Юрия Нагибина. М., 1980; Пистунова А. Чистые пруды // Нагибин Ю. Встань и иди: повести и рассказы. М., 1989; Холопова В. Ф. Парадокс любви: Новеллистика Ю. Нагибина. М., 1990; Шевелев И. Ключи от тайны: Последние повести Юрия Нагибина // Общая газ. 1994. 18–24 нояб.; Кувалдин Ю. Главная книга // Общая газ. 1995. 30 апр. – 5 мая; Лавров В. С отвращением читаю жизнь мою... // Нева. 1995. № 9; Костырко С. Беллетрист против писателя // Новый мир. 1995. № 11.

В. А. Лавров